
ЧУЖАЯ
БРОНЯ
ТОМ ПЕРВЫЙ
ЮЛИЯ ИГНАТОВА

Юлия Игнатова

Чужая броня

«Автор»
2026

Игнатова Ю.

Чужая броня / Ю. Игнатова — «Автор», 2026

В День Победы Ивану Игнатову исполняется восемьдесят один год. Полковник в отставке едва поднимается со стула. А потом открывает глаза среди горящих машин — и обнаруживает, что снова молод.Над дорогой проходит самолёт с чёрными крестами. На дворе июль 1941-го.Теперь ему девятнадцать. У него чужое лицо, чужая фамилия и десятилетия танковой службы в памяти. Для окружающих он всего лишь рабочий, потерявший память после налёта. Сначала придётся доказать, что ему можно доверить гаечный ключ. Потом — место в экипаже.Впереди старый Т-26, первые бои и отступление, в котором исправная машина становится последней надеждой для десятков людей.Иван привык учить других командовать. Теперь ему самому предстоит заслужить право отдавать приказы — и вывести из огня тех, кто ему поверит.

© Игнатова Ю., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. День Победы 5
Глава 2. Чужая фамилия 8
Глава 3. Третий в экипаже 13
Глава 4. Танк из другого века 19
Глава 5. Пять машин 23
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Юлия Игнатова
Чужая броня

Глава 1. День Победы

Встать с кухонного стула Иван Игнатов смог со второй попытки. В первый раз левое колено отказалось распрямляться; пришлось поставить кружку, упереться обеими ладонями в стол и переждать. Из прихожей жена спросила, нужна ли помощь.

— Уже иду, — ответил он.

На столе осталась поздравительная открытка. Правнучка нарисовала танк с шестью колёсами и подписала: «Прадеду Ване 81». В башне сидел человек с огромными усами. Иван усов никогда не носил, но исправлять художницу не собирался.

Сегодня, девятого мая 2026 года, ему исполнился восемьдесят один год. В детстве он считал свой день рождения отдельной заслугой. Отец быстро отучил.

«Ты родился, а другие не вернулись. Тут радоваться можно, хвастаться нечем».

Сергей Игнатов приехал домой осенью сорок пятого: худой, с обгоревшим левым ухом и привычкой вставать ночью. Позже, уже в тихой квартире, рассказывал сыну о войне. Чаще вспоминал не атаки, а солдата, который уснул с хлебом в руке; водителя, получившего письмо за два часа до гибели; потерянный гаечный ключ, из-за которого простояли до утра.

Иван слушал, поступил в училище, носил погоны, командовал, учил других. Долго думал, что понимает отца. Теперь, когда многие собственные товарищи остались только в телефонной книжке, начал сомневаться.

Перед выходом он задержался у книжного шкафа. Внутри, за стеклом, стояла фотография отца. Иван в детстве думал, что отец на ней сердитый. Теперь видел молодого мужчину, которого фотограф попросил не двигаться.

В училище эту фотографию держал в тумбочке. На первых занятиях оказался среди людей, которые умели больше него: одни до армии работали на тракторах, другие росли в мастерских. Иван принёс рассказы фронтовика и обнаружил, что рассказы не помогают сразу найти неисправность. Тогда впервые пришлось учиться молчать, пока объясняют.

Позже он сам принимал машины, готовил экипажи, ходил по парку до поздней ночи. Одно из самых неприятных воспоминаний осталось с обычных учений. Он торопил подразделение, не проверив, одинаково ли люди поняли изменение маршрута. Две машины пришли в чужой район. Никто не погиб, но разбор перед старшим начальником помнил до сих пор. С возрастом подобные ошибки казались уже давно освоенными уроками.

Внук однажды спросил, в чём главное умение танкиста. Иван хотел рассказать о выборе позиции, но ответил: вовремя заметить, что дело пошло иначе. Павел пожал плечами — ему требовалось что-то красивее.

Иван поправил фотографию, хотя она и так стояла ровно. К старости всё чаще делал бессмысленные маленькие движения, лишь бы руки оставались заняты.

Жена застегнула ему пиджак.

— Может, сегодня без площади?

— Мы же договорились.

— Ты договорился. Со мной не советовался.

Он улыбнулся. Ирина прожила с ним почти шестьдесят лет и на генеральскую должность в семье претендовала с первого дня.

У подъезда ждал внук. Иван хотел спросить, проверено ли давление в шинах, но удержался. Эти вопросы давно раздражали домашних: он замечал незакреплённую полку, забытый инструмент, перекрытый подъезд раньше, чем красоту новой машины.

На площади было жарко. До памятника оставалось метров сто, когда пришлось остановиться. Павел сделал вид, что рассматривает плакат. Иван оценил деликатность и одновременно рассердился: внук уже обращался с ним как с неисправной вещью, которую нельзя резко трогать.

— Минуту, — сказал Иван.

На скамье он вытянул ноги. Рядом женщина поправляла на ребёнке пилотку. Из динамиков говорили о подвиге, стойкости, бессмертии. Отец таких слов избегал. Про его войну Иван помнил другое: канистра с водой для питья стояла далеко, мотор заглох на подъёме, товарищ не смог выбраться через люк.

Иван посмотрел на руки. Пятна на коже, выступившие вены, мелкая дрожь. Когда-то этими пальцами он мог удержать горячую деталь через ветошь. Теперь плохо попадал ключом в замок.

Павел вернулся с бутылкой воды.

— Дед, посиди ещё. Успеем.

Иван хотел ответить, что они никогда и никуда уже не торопятся. Вместо этого услышал странный сухой звук, словно рядом хлопнули большой лист железа.

Голоса с площади отдалились. Бутылка в руке внука стала расплывчатой.

Он успел подумать об Ирине: как она будет сердиться, если снова придётся вызывать скорую.

Потом скамья исчезла.

* * *

Первым вернулся запах. Бензин, палёная резина и земля, которую нагрели сильнее, чем могло солнце.

Иван лежал лицом в пыли. Попытался повернуться, ожидая привычной боли в пояснице, и сразу перекатился на бок. Слишком легко. Перед глазами оказался перевёрнутый грузовик. Вверх торчало колесо; оно медленно вращалось.

Он сел. В ушах звенело. На нём была чужая грубая рубаха, разорванная у плеча. Ладони оказались широкими, исцарапанными, без пятен. Кожа на запястьях была гладкой.

За грузовиком кричали.

— Сюда! Помоги!

Иван поднялся одним движением и замер. Колени выдержали. Он сделал шаг, ещё один; ноги держали, грудь раскрывалась на вдохе. Ещё утром пришлось упираться руками в кухонный стол, чтобы встать. Теперь он стоял среди дымящихся машин и не чувствовал привычной боли.

Слева ударили короткой очередью. Пыль взбилась у канавы. Иван пригнулся так резко, что чуть не упал от собственного движения, и бросился к перевёрнутому кузову.

Под досками лежал красноармеец. Его придавило бортом поперёк бедра. Второй боец безуспешно тянул товарища за ремень.

— Не дёргай. Поднять надо, — сказал Иван.

Он хотел распорядиться, кто и куда встанет, но увидел лом. Подсунул конец под борт. Боец вдавил рядом в землю обломок доски. Вместе нажали. Иван почувствовал нагрузку в плечах и неожиданно понял: держит. Не из последних сил, не на одном упрямстве — действительно держит.

Раненого выволокли. Иван отскочил, доска треснула, борт рухнул обратно.

— В канаву его! — крикнул боец.

Они подхватили человека под руки. Тот стонал, тёр сапогом землю. До канавы было недалеко, но голова Ивана поплыла на середине пути. Он опустился рядом с раненым, переждал тошноту.

Над дорогой прошёл самолёт. Не реактивный. Иван увидел прямое крыло, крест, мелькнувший на нижней поверхности, и спрятал лицо.

Очередь прошла дальше, по кустам. Потом звук удалился.

Около канавы остановились два солдата. Один держал винтовку, второй — пистолет. Пистолет выглядел знакомо до невозможности.

— Ты откуда? — спросил второй.

Иван указал на дорогу.

— Там лежал.

— Часть?

— Не знаю.

— Фамилия?

Ответ стоял на языке: полковник в отставке Игнатов. Но чужие рукава, оружие солдат и чёрный крест над дорогой не оставляли места этому ответу.

— Иван, — сказал он. — Иван Игнатов.

Солдат с пистолетом посмотрел на другого.

— Документы показывай.

Иван оглянулся к дороге. Возле перевёрнутой кабины лежал человек. Рука была подогнута неестественно, лицо закрывала пыль. Он хотел подойти, проверить, но солдат с винтовкой шагнул наперерез.

— Стоять.

— Там ещё один.

— Его уже смотрели.

Эти слова прозвучали буднично. Иван не знал, кем был человек, где жил и сколько минут назад ещё дышал. Ещё недавно на площади погибшие существовали в речах, на фотографиях, в фамилиях. Здесь один лежал в пяти шагах, и через него приходилось переступать, чтобы дойти до канавы.

Он посмотрел дальше. На обочине торчали рассыпанные инструменты, возле них валялась крышка котелка. Горящий грузовик оседал на пробитых шинах. Почти всё было небольшим, плохо окрашенным, сделанным для другой жизни. Никто не выходил за край поля, не снимал грим, не просил повторить сцену.

— Ты кто такой? — снова спросил вооружённый.

— Работать могу. Машины знаю.

— Я про тебя спрашиваю.

Иван замолчал. На вопрос о себе он опять ответил тем, что умел делать. Солдат ждал фамилию и документы.

Карманы оказались пустыми, если не считать гайки, куска бечёвки и промасленной тряпки. Иван выложил всё на ладонь.

— Головой приложило? — спросил боец, которому он помог.

— Могло и приложить, — ответил вооружённый. — Только сначала разберёмся.

Ивана поставили на ноги. Когда он шагнул через канаву, тело снова выполнило движение без усилия. Эта лёгкость пугала почти так же сильно, как винтовка за спиной.

Глава 2. Чужая фамилия

Его посадили у стены сарая. Охранявший солдат велел не уходить и пристроился в тени, так, чтобы видеть и пленника, и дорогу.

Иван пытался вспомнить последнее. Площадь. Павел. Бутылка воды. Затем — эта дорога. Между ними ничего. Сон должен был закончиться, но деревянная щепка в ладони болела, жажда сушила язык, звенящая голова мешала думать.

Из сарая вынесли старую газету. Иван попросил посмотреть. Часовой протянул её, не отпуская край.

В верхнем углу стояла дата: июль 1941 года. Газета была не сегодняшняя; день Иван прочитал, но тут же забыл. Год запомнился так, словно цифры выжгли на дереве.

Сорок первый.

Война должна закончиться Победой. Всё остальное оставалось за пределами его знаний. Из разговора часового с шофёром он уловил название Смоленска, но не понял, в какой стороне город. Минск, Москва, окружения — знакомые слова всплывали без дат и дорог. Он не знал даже, куда уходила колонна, лежавшая перед ним.

— Читать умеешь? — спросил часовой.

Иван вернул газету.

— Умею.

Он согнул и распрямил пальцы. Потом, придерживаясь стены, присел. В коленях не хрустнуло. Поднялся. Ещё раз. Движение принесло такую радость, что он невольно улыбнулся.

— Ты чего? — насторожился солдат.

— Ничего. Проверяю, цел ли.

У ведра лежал осколок зеркала. Иван поднял его и увидел молодое чужое лицо: светлые глаза, грубовато очерченный рот, коротко остриженные волосы, кровь на виске. Лицо не было похоже ни на него самого в молодости, ни на сына.

Он долго смотрел, пока часовой не потребовал положить стекло.

Фельдшер пришла раньше остальных. Попросила следить глазами за её пальцем, спросила, тошнит ли, когда последний раз ел. Иван не смог даже приблизительно назвать время. Она осторожно раздвинула волосы у виска, осмотрела подсохшую кровь.

— Как зовут?

— Иван.

— И сколько лет?

Он чуть не ответил правду.

— Не знаю.

Ксения Орлова записала что-то на клочке. Часовой хмыкнул. Она посмотрела на него так, что он сразу отвернулся.

— Если память потерял, от смеха не вернётся.

Иван попросил воды. Получив кружку, выпил медленно, хотя хотелось проглотить сразу. Заметил, что зубы не мешают, челюсть свободно держит край. Ещё одна мелочь, которая дома превратилась бы в осторожность, здесь не требовала никакой мысли.

Ксения велела не вставать резко. Когда ушла, Иван послушно сел обратно, но спустя несколько минут снова распрямил ноги. Хотел хотя бы понять, где кончается чужая болезнь и начинается невозможное возвращение собственного здоровья. Часовой смотрел с недоверием.

— Ну ты и чудной.

— Похоже, — ответил Иван.

От молодого голоса его всё ещё бросало в холод. Он узнавал свои слова и не узнавал человека, который их произносил.

К вечеру пришёл худой человек в гимнастёрке. Назвался Львом Зориным и сел на пустой ящик. Прежде чем заговорить, посмотрел запись фельдшера.

— Рабочие видели тебя при колонне. На каком основании находился в расположении?

— Не помню.

— Военную службу проходил?

Иван замялся. Зорин заметил.

— Проходил? Где?

— Я… знаю танки. Но своей части назвать не могу.

— Какой танк за сараем?

Через открытые ворота виднелась небольшая машина. Не музейная, не фотография: грязная ходовая, сколотая краска, привязанный на корме инструмент.

— Т-двадцать шестой. Однобашенный, с конической башней.

— Ремонтировал?

— Этот — нет.

Зорин записал ответ. У Ивана возникло нелепое желание поправить посадку собеседника, спросить, кому тот подчинён. На погонах взгляд не остановился: погон не было. В петлицах он ориентировался хуже, чем ожидал.

— Почему назвался Игнатовым?

— Эта фамилия мне знакома.

— Знакома или твоя?

— Не могу объяснить.

Зорин закрыл блокнот.

— Будешь здесь. Если вспомнишь, сообщишь. Придумывать ничего не советую.

Когда он ушёл, Иван опустил голову на колени. Восемьдесят один год жизни никуда не делся. Там оставались жена и внук, которые, возможно, сейчас звали врача. Здесь ему не принадлежали даже имя и лицо.

Часовой поставил рядом кружку воды.

— Пей. Фельдшер сказала, после удара надо смотреть за тобой.

Иван взял кружку обеими руками. Они не дрожали. От этого неожиданно стало ещё тяжелее.

* * *

Утром к сараю подъехала повозка. Старший мастер Семён Рябинин слез с неё, осмотрел танк и выругался. Кто-то успел мелом написать на броне: «Не заводится».

— Это я и без вашей грамоты слышу, — сказал мастер.

Он был коренастым, с обожжёнными пальцами и светлой полоской кожи на месте часов. Потребовал ключи, помощника и ведро. Помощника не нашлось: двоих отправили грузить имущество, третий был ранен.

Иван поднялся.

— Я подержу. Под вашим надзором.

Часовой собирался возразить, но Рябинин посмотрел на его винтовку.

— Пусть работает. Ты рядом стой. С гаечным ключом далеко не убежит.

Иван впервые увидел моторный отсек этого танка вблизи. Узлы были знакомы по назначению и незнакомы по устройству. Он потянулся к крышке, Рябинин остановил.

— Сначала спроси, что открываешь.

Они проверили доступное. Мастер убедился, что двигатель проворачивается, осмотрел зажигание. При попытке запуска мотор кашлянул и опять замолчал. Иван присел у борта. Сидел долго, следил за руками Рябинина и только через несколько минут понял, что поясница не ноет.

Крепкая хватка позволяла держать крышку без смены рук. Он сжал её сильнее, чем требовалось, словно проверяя, не исчезнет ли сила.

— Не мни, — сказал мастер. — Она тебе не враг.

В подставленную посуду стекла мутная жидкость. Иван указал на осадок.

— Откуда заправляли?

— Из бочек. А что?

— Если после налёта всё переливали как пришлось… Может, проверить подачу до конца, прежде чем списывать мотор?

Рябинин посмотрел на него без раздражения.

— Проверим. Только ты сейчас не рассказывай, что одну грязь увидел и всё понял.

В системе подачи нашли засорение; рядом с повреждённым участком трубки выступал бензин. Мастер работал, Иван подавал инструмент. Когда молодой рабочий обжёг пальцы, боль оказалась острой, обычной. Он машинально приложил ладонь к рубахе.

— Живой, значит, — заметил Рябинин. — Держи через ветошь.

Когда трубку снимали, Иван спросил, нет ли готовой запасной. Рябинин протянул ему небольшой ящик. В ящике лежали разные детали, но нужная была одна и не подходила без проверки.

— Примерь сперва, — сказал мастер. — Эта с другой машины. Резьбу сорвёшь, останемся с двумя плохими.

Иван положил трубку рядом со снятой, проверил крепление. Запасную требовалось подогнать; готовой замены в ящике не оказалось. Рябинин протянул инструмент и показал, с какого конца начинать.

Степан Климов принёс ещё одну посудину. Из неё собирались брать бензин, но мастер осмотрел дно и отправил мыть. Степан возразил, что уже полоскал.

— Грязь пополоскал, теперь отмой.

Иван помог. Они отошли от танка, перевернули посудину, вычистили остаток. На дне оказалось больше мусора, чем ожидалось. Степан смущённо пожал плечами.

— Поторопился.

— Все торопятся.

— Ты-то не очень.

Иван ещё раз провёл тряпкой по дну. Очень хотелось услышать работающий мотор, но торопить мастера после такого осадка было бы стыдно. Он вымыл посудину и принёс обратно.

К полудню двигатель запустился. От шума часовой отступил; Иван поймал себя на желании встать рядом с кормой и слушать. Рябинин убрал его за плечо.

— Поработает — поглядим. Завести и вернуть в строй разные вещи.

Рябинин не позволил сразу закрывать всё обратно. Подождал, осмотрел соединения, выслушал, как мотор работает после короткой перемены режима. Иван стоял рядом, не притрагиваясь, пока не просили.

— Ты служил где-то? — спросил мастер.

— Не могу объяснить.

— Мне объяснять некогда. Но подходишь, как начальник. Только ключ у тебя в руке не начальственный.

Иван посмотрел на ключ: держал неудобно, от прежних движений в другой жизни осталось желание, но не точность. Пришлось перехватить.

— Исправлю.

— Вот и исправляй. Здесь все умные, пока гайка поддаётся.

Мастер снова открыл соединение, которое Иван уже считал проверенным. Потребовал сказать, что они действительно успели осмотреть. Иван перечислил сделанное. Про ходовую пока ответить не смог.

В его прежней службе готовность машины подтверждали несколько специалистов. Здесь рядом были Рябинин, часовой и помощник, которому ещё вчера не доверяли отходить от сарая. Иван достал карандаш и записал то, до чего не дошли.

Рябинин дал протереть доступные места. На чистом металле выступила тонкая влажная полоска. Мастер показал её ногтем и велел подтянуть соединение.

Степан спросил, поедет ли танк. Мастер сказал, что проверят.

— А если не поедет?

— Будем искать дальше.

Иван вернул ключ на место и подошёл с другой стороны. Пока Рябинин смотрел, не появились ли новые подтёки, придерживал открытую крышку.

Из сарая вышел младший лейтенант. Представился Павлом Карповым, прошёл вдоль машины, проверил ходовую и заглянул внутрь.

— Моя, — сказал он. — Думал, придётся бросить.

Иван хотел сразу перечислить замеченные неполадки. Остановился: у этой машины уже были хозяева, знавшие её лучше.

— Подачу топлива мастер восстановил. Остальное ещё смотрим.

Карпов кивнул Рябинину, затем молодому помощнику.

— Спасибо.

Рябинин дал ему ящик.

— Сложи по местам. Что не знаешь, спроси. Ключи не терять.

Иван поднял ящик. Вес потянул плечо, однако он удержал его, прошёл к повозке и вдруг вспомнил кухонный стул. Улыбка снова появилась сама. На этот раз никто её не заметил.

* * *

Человек, который его узнал, сначала сказал «Алёша» и только потом остановился. Иван не повернул головы. Мужчина подошёл ближе: сутулый, в очках с треснутым стеклом, с перевязанной кистью.

— Ты меня не узнаёшь?

Иван покачал головой.

— Журавцов. Из мастерской. Мы вчера тебя искали.

Ивана вчера задержали; для Журавцова поиски начались раньше, в суматохе после налёта. Мужчина рассказывал, как молодой рабочий носил воду, куда положил выданный инструмент, с кем должен был ехать. Иван слушал сведения о собственной одежде и чужой жизни.

В уцелевшей папке нашли ведомость. Алексей Григорьевич Сорокин, девятнадцать лет, принятый на подсобные работы незадолго до войны. Адрес матери был указан в соседней области. Журавцов подтвердил, что парня нанимали через хозяйственную службу, что на нём числилось одеяло и пара рукавиц. Военного обучения тот не проходил.

Зорин положил ведомость перед Иваном.

— Это ты?

— Лицо моё. Остальное не помню.

— Тогда откуда знания?

Иван посмотрел на подпись Сорокина. Буквы шли неровно, с сильным наклоном. Своей рукой он написал бы иначе.

— Я могу разобраться в машине. Если позволите.

— Я спросил не что ты можешь.

На этот вопрос безопасного правдивого ответа не было. Иван помолчал.

Зорин не кричал. Попросил назвать школу, родственников, знакомых. Иван не назвал никого. Наконец пришла Орлова и объяснила, что человек после удара мог потерять память, но насколько и на какой срок, она сказать не берётся.

— У него зрачки сейчас в порядке. Тошнота проходит. Наблюдать надо.

— Будем наблюдать, — ответил Зорин.

Рябинин ожидал снаружи. Выслушал и потребовал оставить молодого человека при мастерской.

— Разглядывать его без дела некому. Со мной будет. Ночью тоже при нас.

Зорин согласился после короткого спора. Иван слышал своё новое имя в разговоре двух людей и чувствовал себя подменённым документом.

После опроса Зорин велел Ивану прочитать адрес вслух. Название посёлка ничего не вызвало. Он попробовал закрыть глаза, представить дом, двор, женщину возле калитки. Появилась Ирина в их собственной квартире. Никакой другой памяти не было.

— Не вспоминается? — спросил Зорин.

— Нет.

— Подпись поставь.

Иван написал фамилию медленно. Попытался приблизить наклон к ведомости, затем остановился. Изображать почерк означало уже сознательно обманывать проверяющего. Он объяснил, что не уверен, как подписывался раньше.

Зорин посмотрел на лист.

— Отмечу. Всё подряд чинить в показаниях не надо.

Зорин переложил лист к ведомости и записал ещё одну строку. Иван остался ждать, пока ему разрешат выйти.

Рябинин снаружи спросил, сможет ли помощник работать. Ксения ответила, что тяжёлое пока лучше давать осторожно. Мастер кивнул и сразу сунул Ивану лёгкий свёрток.

— Тогда это отнесёшь. А крышку тяжёлую Степан подержит.

В свёртке оказались руководство, ветошь и несколько небольших деталей. Иван взял его осторожнее, чем прежде брал тяжёлый ящик.

Журавцов уехал с ранеными. Перед отъездом протянул небольшую матерчатую сумку.

— Нашёл под лавкой в кузове. Твоя. Письмо там. Может, вспомнишь.

Иван взял сумку. На ней был грубо пришит лоскут с буквами «А. С.». Он не стал сразу открывать.

Вечером Рябинин выдал ему хлеб и спросил:

— Как звать-то? Не каждый раз же «эй».

— Сорокин, — ответил Иван после паузы. — Алексей.

Мастер кивнул и больше к вопросу не возвращался.

Иван лёг у стены, положив сумку под голову. Внутри лежало письмо чужой матери. Он ещё не умел заставить себя читать его. Но фамилию принял: здесь другого имени у него не было, а объявить происходящее всем подряд означало потерять последнюю возможность работать.

Проверка продолжалась. Часовой ушёл, вместо него за Иваном приглядывал мастер. Это было небольшое изменение, но ночью он впервые спал без винтовки, лежавшей напротив его лица.

Глава 3. Третий в экипаже

Приказ двигаться пришёл, когда в мастерской разобрали сразу две машины. Одна стояла с открытым моторным отсеком; под другой лежал старший сержант Михаил Фадеев, механик-водитель Карпова.

— К рассвету, — сказал связной. — Дорогу дальше держать не обещают.

Рябинин посмотрел на неподвижные танки. Попросил связного передать, что половина имущества ещё не погружена. Тот развёл руками и уехал.

Иван провёл день, таская инструмент и детали. Забывшись, поднял ящик, который вчера переносили вдвоём, прошёл с ним несколько шагов и поставил на землю. Спина выдержала. Он не мог перестать удивляться: столько движений, столько работы, и ничего не приходилось выкупать заранее у старого тела.

Теперь же видел, как люди хватаются за всё сразу. Один искал гайки, второй забивал палец, третий разбирал карбюратор, нужный совсем другой машине.

— Семён… — начал Иван и остановился, не зная отчества. — Товарищ мастер, можно сначала отметить, что до утра реально закончить?

Рябинин поднял голову.

— Отмечай. Я проверю.

На доске они записали машины, затем неисправности. Отдельно положили всё, что требовало недоступных деталей. Иван привычно захотел составить очередь по срокам и трудоёмкости, но Рябинин переспросил каждый срок. Оказалось, что он ошибся почти во всех.

— Снятое не всегда встанет, — объяснил мастер. — И резьба бывает сорвана. Ты час пишешь, а я два на гайку потрачу.

Один танк решено было оставить. С него снимали исправные узлы и запасные траки. Иван стоял на броне, принимал детали, спускал их на руки Степану. Тот всё время разговаривал, словно боялся услышать, что происходит за сараем.

— После войны я машину куплю. Грузовую. На свадьбы людей возить.

— Почему на свадьбы?

— Там кормят.

Иван рассмеялся. В смехе было что-то непривычное: молодой голос звучал звонко и легко. Степан ответил улыбкой, будто только теперь решил, что с этим молчаливым парнем можно иметь дело.

Степан придержал следующую деталь и не отдал её сразу.

— А ты смеёшься зря. Я уже знаю, какую брать. У дяди полуторка была. Кабину изнутри белым покрашу, лавки поставлю. У нас на свадьбу пешком идут, а если дождь?

— Где машину возьмёшь?

— Заработаю. Сначала у мастера всему научусь. Не буду же каждую поломку в город возить.

Он провёл грязным пальцем по борту снятого бака, словно уже примерял к нему чужую кабину. Иван узнал эту серьёзность. Так внук показывал ему первый велосипед, купленный на собственные деньги, только здесь велосипедом был грузовик, до которого предстояло дожить.

— На свадьбах много не заработаешь, — сказал Иван.

— А ночью молоко. Утром людей на станцию. Ты думаешь, я только поесть придумал?

Степан наконец передал деталь. Из-за сарая донёсся хлопок, он вздрогнул и с досадой посмотрел на свои руки.

— У матери дом крайний. Когда по улице еду, она первая услышит.

Рябинин окликнул их. Степан спрыгнул с борта и побежал за ключом. Вернувшись, уже не шутил: требовал показать, по какому признаку мастер забраковал снятый узел. Рябинин объяснил. Степан повторил ответ, пока разбирали следующий.

Фадеев принёс к повозке снятый предмет и потребовал не класть вместе с исправным. Иван выделил место, но водитель остался рядом. Молча смотрел, пока помощник не привязал бирку.

— Уже обещал, — сказал Иван.

— Обещал. Через час придёт другой и возьмёт. Ты ему тоже пообещаешь?

Он был прав, но тон раздражал. Иван ответил резче, чем хотел:

— Понял с первого раза.

Фадеев посмотрел на него.

— Тогда делай с первого.

Иван отвернулся к повозке. Снова заговорил так, как привык разговаривать с подчинёнными, хотя сам ещё не знал, откуда сняли половину деталей. Фадеев тем временем работал один.

Он подошёл сам.

— Резко ответил. Ты правильно сказал про бирку.

Фадеев не разыграл примирение. Указал на следующий предмет и спросил, знает ли Иван, откуда снят. Тот не знал. Вместе нашли мастера и уточнили. На этом спор закончился.

Карпов наблюдал из-за борта. Позже сказал Ивану, что Михаил отвечает за ход и часто слышит то, чего другие не слышат.

— Если он говорит «не пойдёт», сперва спроси почему. Потом спорь.

Позже восстановленный танк вышел на пробу. Иван по звуку объявил, что ходовая работает ровно. Фадеев остановился через несколько десятков метров, выбрался и позвал его вниз.

— Вот смотри.

На одном участке подвески люфт был заметен только при нагрузке. То, что Иван принял за обычный металлический стук, водитель слышал иначе.

— Сухое железо в лесу тоже звенит. Ты на нём поездил, прежде чем говорить, что хорошо?

Иван признал, что нет. Фадеев не добавил ничего: снова лёг под машину.

Перед погрузкой обнаружили, что ящик с частью инструментов остался в другом кузове. Степан отправился за ним, вернулся без ящика и сообщил, что машина уже ушла.

Рябинин долго смотрел на пустое место. Не стал кричать. Пересчитал то, что осталось, велел распределить между машинами и спросил, кто видел водителя. Иван предложил отправить человека вперёд.

— Если поймает — хорошо. Если нет, работать всё равно надо, — ответил мастер.

Он заставил помощников повторить, куда уложен каждый предмет. Иван поддержал это, добавил в тетрадь несколько строк. Степан попытался отшутиться:

— Теперь ключам фамилии дадим?

— Фамилии у них и так есть. Размером называются.

Фадеев услышал и впервые засмеялся вместе с ними. Потом попросил ключ на семнадцать. Иван достал его сразу; водитель забрал, посмотрел на бирку и больше ничего не сказал.

Ночью над дорогой вспыхивало зарево. В мастерской прятали свет, но полностью отказаться от фонаря было нельзя. Мастер велел прикрыть его со стороны двери и не держать там, где пламя могло увидеть небо. Иван смотрел на узкую светлую полоску и думал, что почти любая работа здесь делается вопреки другому требованию: быстрее — но тихо; в темноте — но точно; беречь силы — но закончить до утра.

Около двух часов он услышал, как Степан спросил Рябинина, успеют ли они.

— Если будем спрашивать, нет, — ответил мастер.

Иван принёс очередную деталь и молча положил рядом.

К утру руки дрожали от нагрузки. Иван пропустил ужин и поздно понял, что давно не пил. Сила не кончалась внезапно, но пальцы начали промахиваться, инструмент соскальзывал. Рябинин отнял у него ключ.

— Ешь. Мне отдохнувший помощник нужен.

Степан разделил с ним холодную кашу. Иван сидел на земле, и земля не мешала ему так, как когда-то мягкий домашний диван. Тело устало тяжело и честно. Эту усталость он помнил по собственной юности, которую уже почти перестал считать своей.

На рассвете в колонну вошли два возвращённых в строй Т-26. Третий остался у сарая, пустой и раскрытый. Иван оглянулся, пока дорога не скрыла машину за поворотом.

* * *

Колонна растянулась между полем и лесом. Повозка Рябинина шла за грузовиком с инструментом; дальше двигался танк Карпова. Иван сидел на мешке с ветошью и старался не заснуть.

Сначала впереди поднялась пыль. Потом хлопнуло несколько раз. Люди у головной машины разбежались, и водитель грузовика нажал на тормоз.

— Слезай! — крикнул Рябинин.

Иван уже видел, как надо уйти с дороги, где можно спрятать повозку, какой участок обстреливается. Знал порядок. Но, когда пуля ударила в борт возле его локтя, всё это знание стало далёким и бесполезным. Он прижался к мешкам и не смог сдвинуться.

Второй удар разорвал доску. В лицо полетели щепки.

Карпов схватил его за рубаху и буквально сбросил за колесо. Иван ударился плечом о землю.

— В канаву! Слышишь?

Он слышал. Ноги по-прежнему не двигались.

Лейтенант толкнул его ещё раз. Иван пополз. До кромки было два метра; эти два метра запомнились длиннее любого марша в его прежней жизни.

Танк прошёл мимо, закрыв на секунду свет. Карпов успел забраться наверх, башня повернулась. Первый выстрел ударил так, что Иван вжался в землю. Он раньше слышал стрельбу танков и стоял рядом с работающими машинами. Теперь звук означал, что тот, кто стреляет по ним, может ответить.

Из леса били по дороге. Где-то за полем находилось орудие; его Иван не видел. Т-26 остановился у складки местности, выстрелил ещё два раза и сдал назад. Немцы перенесли огонь туда, где он стоял, слишком поздно.

Сзади закричали: раненый в кузове. Иван повернул голову. Боец тянулся через борт, не мог спуститься. Рядом метался Степан.

«Сейчас вставай», — сказал себе Иван.

Он приподнялся, снова упал от близкой очереди, затем заставил себя проползти вдоль канавы. Раненого снимали втроём. Тот был тяжелее спасённого после первого налёта, а шофёр всё время пытался оттащить автомобиль вместо того, чтобы помочь. Иван закричал на него, и собственный голос наконец вернул движение рукам.

Над дорогой появились самолёты. Все бросились вниз. У танка Карпова находился башенный стрелок Колесников: он вылез помочь с боеприпасами из застрявшего грузовика. Очередь прошла вдоль дороги; Колесников схватился за предплечье и сел.

После налёта огонь впереди стал реже. Другой советский танк, пришедший с хвоста, прикрывал поворот. Колонна потянулась в лес. Одну машину с сорванным колесом пришлось оставить, из неё вынесли людей и доступное имущество.

Карпов отвёл свой Т-26 последним. На броне лежал Колесников, зажимая перебинтованную руку.

Рябинин нашёл Ивана у повозки.

— Живой?

Иван кивнул. Ему было стыдно смотреть на мастера.

— Первое дело, — сказал тот. — Остальное потом.

Колесников лежал на земле, пока ему перевязывали руку. Иван держал плечо по просьбе Ксении. Раненый стискивал зубы, потом неожиданно спросил, какая у них машина.

— Карпова, — ответил Иван.

— Знаю. Я на ней служу. Ты-то с какой?

— Пока ни с какой.

Колесников закрыл глаза.

— Значит, ещё повезёт.

Иван не понял, говорил он о назначении или о том, что молодой парень пока не сгорел в танке. Уточнять не стал. Ксения велела перестать разговаривать и закончила повязку.

Фадеев осматривал след от попадания. Карпов трогал броню пальцем, проверял смотровой прибор. Оба хотели воды; Иван принёс ведро и подержал, пока водитель мыл руки.

Рябинин отдал ему задачу разобрать уцелевший инструмент из повреждённого кузова. Иван работал, не поднимая головы. Степан присел напротив.

— Меня тоже трясло.

— Ты не стоял на месте.

— Я сначала за мастером побежал. Куда он — туда и я.

Степан протянул обломанный ключ. Спросил, куда такой класть. Иван поднял голову, взял инструмент и поискал ящик с негодным. Руки уже слушались.

На привале Иван попытался вспомнить бой по порядку. Получалось плохо: вспышки, доска, тяжёлый сапог раненого. Отец говорил, что страх ломает память. Вспомнив это, Иван перестал пытаться восстановить всё сразу.

* * *

Колесникова увезли на следующий день. Перед отъездом он попросил Карпова сохранить кружку: алюминиевая, помятая, с нацарапанными буквами. Карпов сунул её в вещевой мешок и долго смотрел вслед грузовику.

— Возьмёте меня? — спросил Иван.

Лейтенант повернулся.

— Ты вчера на дороге застыл.

— Застыл.

— В башне мне некогда будет вытаскивать тебя каждый раз.

Иван не стал обещать бесстрашие.

— Учите работе. Своё место постараюсь держать.

Капитан Григорий Буров, собравший уцелевшие танки при отходе, выслушал Карпова и Рябинина. Затем потребовал сведения о проверке. Зорин подтвердил личность гражданского рабочего по ведомости и показанию Журавцова; проверка семьи ещё продолжалась. Сорокина зачислили через уцелевший военный учёт. На подписи Иван задержался, но фамилию написал без ошибки.

Он получил гимнастёрку, ремень и временную справку о зачислении. На сложенном листке стояли чужая фамилия, подпись и печать. Его место в танке находилось справа от пушки.

Первый урок начался с выхода из машины.

— Пока не стреляем, — сказал Карпов. — Сначала научишься вылезать, если темно и ничего не видно.

Иван ударил колено, зацепился ремнём, выронил фуражку. Молодые ноги легко подтягивали тело, но в тесноте он распоряжался ими хуже, чем на земле. Фадеев наблюдал снизу.

— Снаружи-то ты бодрый. Внутри железо не расступится.

Потом изучали укладку, сорокапятимиллиметровую пушку и спаренный пулемёт ДТ. Карпов показывал, где должна находиться рука после заряжания, учил открывать затвор и убирать гильзу. Несколько раз остановил Ивана, прежде чем тот сунул пальцы туда, откуда не успел бы их убрать при выстреле. С пулемётом работали отдельно. Карпов командовал с левого места, одновременно работая наводчиком пушки и спаренного ДТ. Неопытному бойцу он стрельбу пока не поручал; справа Иван готовил и сменял диски, проверял крепление и следил за своим сектором. На случай ранения командира ему предстояло освоить и левое место.

Движения в памяти были от других машин, других рабочих мест. Здесь каждый выстрел требовалось поднимать самому. Иван ожидал, что быстро устанет, но руки работали уверенно. Это восхищало его так сильно, что он начал торопиться.

Карпов поймал его за запястье.

— Лучше на секунду позже. Я тебя целого хочу.

На вторую ночь Иван проснулся с руками, сложенными будто вокруг выстрела. Во сне услышал приказ Карпова и начал искать укладку, хотя лежал на земле. Фадеев заметил движение и спросил, чего он хватает воздух.

— Приснилось.

— Тогда спи дальше. Утром хватать будешь.

Лежать было непривычно удобно: плечо побаливало от удара, но не приходилось менять положение ради суставов. Иван повернулся на бок, вытянулся и вдруг испытал желание пробежать до края поля просто потому, что мог. Остановил себя. Учиться танковой работе завтра следовало отдохнувшим, а не доказывать ночью собственную молодость.

Утром Карпов проверял, как он определяет остаток боекомплекта. Иван сначала считал всё вместе. Лейтенант потребовал отдельно то, что готово сразу, и то, до чего добираться дольше.

— Я спрашиваю, сколько выстрелов могу получить сейчас, — объяснил он. — Общую цифру потом.

Иван вынул ближайшие выстрелы, проверил крепления. В глубине ящика нашлись ещё два, но быстро достать их с места он не смог. Карпов велел запомнить разницу, прежде чем снова считать общий запас.

Карпов на минуту уступил ему своё место. Дал посмотреть через прицел. Иван увидел маленький кусок мира, лишённый той полноты, которую на земле давали поворот головы и свободный шаг.

— У тебя своя сторона. Мою увидишь, когда попрошу, — сказал лейтенант.

К вечеру Иван мог достать нужный выстрел без долгих поисков, а гильза перестала казаться неожиданностью. На следующем занятии танк двигался, и все вчерашние успехи исчезли. Пол качнулся; Иван налетел плечом на ограждение и порезал костяшки.

Фадеев выбрался и спросил, не слишком ли быстро едет. Вопрос прозвучал почти насмешливо, но скорость он снизил.

Карпов заставил Ивана поработать в башне с завязанными глазами. Нужные движения он выполнял без боевого заряжания, проверяя путь руки и свободное место. Лейтенант стоял рядом и останавливал, если помощник путал порядок.

— В бою дым будет, — объяснил он. — Или прибор разобьёт. Или ночью придётся.

Без зрения пальцы снова и снова уходили мимо нужного крепления. Иван перестал торопиться. Проверил путь рукой, повторил движение; на третий раз нашёл сразу. Карпов снял повязку и велел закрепить укладку именно так.

Фадеев показал люк-лаз в днище за сиденьем водителя: через него можно было выбраться, если башенные люки заклинит. Иван проверил сначала глазами, затем попробо-

вал движение. Ободрал локоть, застрял ремнём. Механик не стал помогать сразу: потребовал понять, что именно держит.

— Если сейчас дёрнешь сильнее, себе же хуже сделаешь.

Пришлось ослабить ремень и только потом двигаться. Выбравшись, Иван сел на землю, вытер лицо. Локоть щипало. Фадеев протянул фуражку, оставшуюся возле лаза.

Вечером нашлись ботинки для Степана, но не по размеру. Тот предложил обмен, посмотрев на Ивановы. Попробовали: никому не стало лучше. Оба засмеялись, снова надели своё. Иван давно забыл, как взрослый разговор может состоять из тесного носка, мокрой стельки и общего смеха. В его нынешних движениях всё было новым, а в этих мелочах узнавалась давно утраченная молодость.

За три дня привыкли обращаться друг к другу без лишних слов. Карпов командовал и стрелял из пушки. Иван заряжал, наблюдал свой сектор, обслуживал пулемёт. Фадеев вёл машину. На учебной остановке лейтенант позволил Ивану сесть слева, но в движении быстро вернул на прежнее место: до смены ещё требовалась работа.

Ночью Иван открыл руководство, которое дал Рябинин. Страницы были заляпаны, часть загибалась на нужных местах. Он читал при коптилке, пока буквы не начали двоиться.

Глава 4. Танк из другого века

На четвёртое утро службы в экипаже Иван проснулся от того, что Фадеев тряс его за плечо.

— На земле поспишь. Сейчас слушай.

Водитель подвёл его к борту. Гусеница была забита влажной глиной. Под колёсами блестела колея, а дальше, за небольшим переломом, лежало внешне такое же поле.

— Там лезть нельзя, — сказал Фадеев.

Иван посмотрел на почву и спросил, откуда тот знает. Фадеев указал на траву, на следы повозки, на воду в неглубокой ямке. Потом провёл его дальше. Через несколько десятков шагов земля под сапогами стала пружинить.

— На карте здесь луг. На деле сядешь. И трактор сюда не полезет.

Иван присел, взял ком земли. Под тонкой сухой коркой выступила вода. Вернулся по Фадеевым следам, стараясь не упустить места, где начинался твёрдый грунт.

К танку Иван вернулся быстрым шагом. Перепрыгнуть канаву не рискнул, но легко перешагнул, ухватился за броню и поднялся наверх. Дыхание восстановилось прежде, чем он добрался до люка. Он на секунду замер, наслаждаясь этим. Фадеев снизу счёл остановку сомнением.

— Высоко?

— Нет. Наоборот.

Тот не понял и пожал плечами.

В полдень подошёл старший лейтенант Николай Лобанов. Пехотинцы его роты находились рядом, но танкисты почти не знали, сколько их осталось и где стояли пулемёты.

— В прошлый раз вы ушли, — сказал Лобанов Карпову. — А мои легли под огонь.

— Танк без гусеницы тоже далеко не уйдёт.

Оба говорили устало. Иван слушал, пока спор не начал повторяться. Затем попросил показать на земле поворот дороги.

Лобанов недоверчиво посмотрел на молодого красноармейца. Карпов разрешил.

— Если ваши отойдут вот сюда, мы их из башни не увидим, — сказал Иван. — Человек нужен у края. И заранее: чего ждём, когда уходим.

Он хотел предложить несколько сигналов, разделить их по машинам, добавить запасные. Увидел лица собеседников и сократил до двух понятных действий. Карпов ещё упростил. Лобанов потребовал, чтобы обозначенное место действительно заняли.

— Я не хочу махать, а потом выяснять, что вас уже нет.

— Если машину потеряем, придёт человек, — ответил Карпов. — Пока дорога открыта.

На клочке бумаги отметили поворот, место связного и путь, по которому танк будет отходить. Лобанов забрал копию. Карпов сунул свою за ремень.

Лобанов потребовал проверить сигналы сразу. Его человек встал у ограды, Карпов смотрел из башни, Иван должен был подтвердить увиденное. Первый знак заметили оба. Второй заслонил куст, и Иван принял движение руки за другое.

— Сейчас я бы своих поднял раньше времени, — сказал Лобанов.

Он говорил резко, но был прав. Иван предложил переставить наблюдателя. Карпов посмотрел ещё раз, затем велел убрать один из придуманных знаков совсем: меньше различий — меньше возможностей перепутать.

На повторной проверке знак различили. Лобанов велел бойцу отойти на несколько шагов, занять место снова и повторить. В третий раз Иван увидел движение без подсказки Карпова.

После занятия Лобанов спросил:

— Где ты этому научился?

Иван не нашёл короткого ответа.

— Мне объясняли.

— Хорошо объясняли. Только у нас свои люди. Ты их сперва узнай.

Лобанов назвал пулемётчика Егора Селиванова, его помощника Титова и связного Зайцева. Иван повторил фамилии. Селиванов, услышав, что речь о нём, поднял руку и снова занялся станком.

Вечером отказала часть световой сигнализации между башней и водителем. Рябинин восстановил контакт. Карпов подавал сигналы, Фадеев отвечал; Иван следил за огоньками и записывал, где свет снова пропадал. Перед пробным ходом повторили, как привлечь водителя, если устройство откажет.

Он дописал в тетрадь: «Сначала добиться, чтобы поняли».

Затем зачеркнул слово «сначала». Эту задачу приходилось решать каждый раз.

* * *

Письмо лежало в сумке отдельно, завёрнутое в чистый кусок ткани. Иван прочитал его у ручья, пока остальные стирали рубахи.

«Алёша, ты не стесняйся мастера спрашивать. Лучше спросить, чем испортить».

Мать Сорокина сообщала, что крыша после дождя опять потекла. Сосед обещал помочь, но пока не пришёл. Просила не забывать есть и написать, выдали ли одеяло. В последней строке признавалась, что боится, хотя все вокруг говорят, будто скоро кончится.

Мать Сорокина не знала, что письмо читает чужой человек. Иван не знал, куда исчез её сын. Умер ли под налётом? Был ли ещё жив, когда сознание вернулось? Он смотрел на знакомую одежду и не находил ответа.

Степан подошёл с мокрой рубахой.

— Из дому?

— Да.

— Хорошо. Мне ещё не дошло.

Степан присел рядом. Рассказал, что мать не любила, когда он уходил из дома без шапки, даже весной. Иван слушал и вдруг вспомнил, как сын впервые сел за руль; как Марина привезла к нему маленького Павла; как Ирина вечером поправляла часы, потому что он снова забыл завести их.

Здесь эти люди ещё не родились. Там, если его прежнее тело осталось на площади, жена могла уже сидеть в больничном коридоре. Он не мог написать ей, позвонить, хотя бы дать знать, что помнит всё.

Степан спросил:

— Ты чего молчишь?

— Устал.

— Ты всё время устал.

Иван усмехнулся. Степан ушёл развешивать бельё.

В воде отражалось молодое лицо. Иван провёл ладонью по щеке. Щетина была жёсткой, кожа упругой. Он умылся, вытянул руки, глубоко вдохнул. В другое время такой подарок показался бы исполнением невозможного желания. Сейчас радость существовала рядом с утратой, не уменьшая её.

Ксения Орлова принесла бинт для его разбитых пальцев.

— Сними старый.

Она работала быстро. Иван заметил, что чистой ткани у неё осталось мало, и спросил, кто подвозит перевязочное.

— Тот, кто сможет, — ответила она. — Ты лучше не разбивай руки каждый день.

— Постараюсь.

— И с людьми разговаривай. Ты сидишь так, словно мы на двадцать лет младше тебя.

Иван опустил взгляд. На самом деле разница была гораздо больше.

Ксения промыла ножницы и спрятала их в сумку. Иван предложил сходить к мастеру за чистой тканью.

— Сходи. Только спроси, какую можно отдать. На перевязку масло не годится.

Она сама потянулась к его сумке, достала лежавшее отдельно руководство, посмотрела на заглавие.

— Ты всё время читаешь. Мне бы сейчас учебник достать.

— Какой?

— По хирургии. Я после фельдшерской собиралась дальше учиться. Осенью документы подавать.

Слова об осени Иван услышал особенно ясно. Ему хотелось сказать, что она ещё будет учиться, проживёт долгую жизнь. Он даже начал фразу и остановился: о её будущем не знал ничего.

Ксения заметила паузу.

— Не надо меня успокаивать. Лучше тряпок принеси. Я раны зашивать умею, а оперировать человека в живот — нет. Вот этого не умею, и здесь мне научиться негде.

Она подтянула ремень сумки. За ручьём звали фельдшера; Ксения ответила и побежала туда, успев на ходу подобрать свалившийся бинт. Иван нашёл чистую ткань, попросил у Рябинина ножницы и отнёс свёрток. Ксения приняла его, уже не поднимая глаз от раненого.

Фадеев принёс к ручью ещё один котелок. В нём оказалась вода для мытья, и Степан почти окунул туда рубаху. Водитель успел остановить.

— Сначала котелок отмоешь. Потом рубаху. По порядку.

— У тебя везде порядок, Михаил.

— Потому что есть хочу каждый день.

Степан всё-таки вымыл котелок. Фадеев вернул его, осмотрел дно и положил рядом с чистым. Иван поймал себя на улыбке: точно так же спорили возле умывальников в его прежних подразделениях.

Пока Степан полоскал котелок, Фадеев вынул из кармана складной метр. У него не хватало последнего звена. Иван спросил, зачем носит.

— Привык. До армии у нас в машинном дворе был. Вернусь — другой куплю.

— В тот же двор?

— Не знаю. Я свою мастерскую хочу. С братом. Чтобы ключи не искать по чужим карманам, когда люди хлеб убирать должны.

Степан обернулся.

— Будешь за ремонт драть?

— С тебя заранее. Ещё до того, как грузовик купишь.

Фадеев убрал метр, но улыбка исчезла не сразу. Потом сказал Ивану тише:

— У брата пальцы хорошие. Только себя не ценит. Всем бесплатно делает, а домой хлеб не приносит. Я бы с людьми договаривался, он бы работал.

Иван вспомнил, сколько лет сам откладывал небольшие желания на время после следующей должности, следующего переезда. У Михаила план был простым и вполне выполнимым. Война поставила перед ним условие, которое нельзя было ни обойти, ни заранее выполнить.

— Значит, руки береги, — сказал Иван.

— И ты мои береги. Когда вести скажешь.

Карпов спросил Ивана, есть ли родные. Тот указал на письмо.

— Мать.

— Написал?

— Ещё нет.

— Напиши, что жив. Даже если ничего не помнишь.

Иван кивнул. Хотел рассказать лейтенанту всё, но Карпов уже потянулся за котелком, стал выскребать последнюю кашу. Пришлось ждать. Когда тот снова посмотрел на него, Иван только попросил карандаш.

За ужином Фадеев рассказал, как до армии трактор вытащили из канавы только после того, как сняли всё, что могли. Карпов спросил Степана о его свадебном грузовике. Впервые разговор шёл без проверки, без приказа, без необходимости доказать полезность.

Иван съел кашу, вымыл котелок, вернулся к танку. Письмо положил в укладку личных вещей. Ответить ещё не смог. Но больше не прятал его подальше.

Глава 5. Пять машин

На окраине Липовки стоял брошенный молочный бидон. Иван запомнил его, потому что рядом с ним легла первая пуля. Она ударила в камень, и бидон звякнул.

Пехота Лобанова отходила через деревню. Немецкий передовой дозор занял край поля и прижал последних бойцов к сараям. Карпов получил задачу помочь им выйти, пока другие танки прикрывали дорогу.

Т-26 двигался между огородами. За сараем Фадеев остановил машину. Карпов выглянул, вернулся в башню и приказал заряжать осколочный.

Иван подал выстрел, повторил приказ, убрал руку. Танк качнулся. В щели показался открытый участок дороги, который следовало пересечь.

— Правее, к стене, — сказал Иван.

— Там забор, — ответил Карпов.

— За стеной низина. По прямой нас видно ещё до поворота.

Лейтенант снова поднялся. Несколько секунд осматривал подход. Иван молчал: сейчас он мог предложить, но решение принадлежало командиру.

Фадеев провёл танк за садом. Забор под гусеницей лопнул; машина накренилась, и Иван упёрся плечом в броню. Выстрел чуть не выскользнул из ладоней. Он удержал его и дождался приказа.

У края низины показалась часть поля. Карпов выстрелил по замеченной пулемётной позиции. Пыль закрыла её. Немцы перенесли огонь на танк; по броне прошёл сухой треск. Иван обнаружил, что опять задержал дыхание.

— Заряжай!

Второй выстрел. Затем Карпов велел назад. Фадеев сдал за складку земли. Через место, где только что стояла башня, ударил снаряд. На борт посыпались комья.

Иван хотел сказать, что надо уйти дальше. Сдержался и занялся гильзой. Он отвечал за готовность пушки, а командир уже искал другой выход.

В саду появился боец Лобанова. Показал, что последние идут. Карпов дождался, пока из сарая выбежали двое, и снова вывел машину на короткую остановку. На этот раз стрелял пулемёт. Иван видел бегущего с винтовкой солдата и другого, который помогал третьему. До стены им осталось совсем немного. Один упал, поднялся и успел скрыться.

Справа хлопнуло орудие. Снаряд пробил край ограды, камни ударили по люку. Карпов резко опустился.

— Уходим!

Фадеев включил передачу. Машина рванулась, затем дёрнулась и остановилась. Водитель выругался. Иван почувствовал, как внутри стало холодно.

— Что?

— Не переключается как надо. Сейчас.

Карпов поднялся настолько, чтобы видеть сад. Приказал держать пулемёт готовым. Снаружи загрохотало: пехота Лобанова открыла огонь с нового места, прикрывая танк.

Фадеев сумел дать машине ход. Т-26 выбирался из низины медленно, с неприятным стуком. Иван смотрел на свои руки: они были мокрыми, но выстрел держали.

У поворота машина ненадолго остановилась. Иван приподнялся в люке и увидел у ограды женщину с мальчиком. Они сидели за низкой стеной, рядом с узлом. Женщина смотрела на танк так, словно он обязан был увезти и её тоже.

— Там наши идут, — сказал Иван, показывая на поворот. — С ними безопаснее.

Она спросила, можно ли взять мешок из дома. Иван не знал, где дом, кто уже занял улицу и сколько времени осталось. Ответил, что сейчас лучше уходить.

— У нас там всё, — сказала женщина.

Иван хотел предложить подняться на броню. Карпов уже звал обратно: к машине подводили раненого из пехоты, Фадеев готовился трогаться. Иван показал женщине канаву вдоль дороги.

Иван крикнул Лобановскому бойцу и попросил провести людей к колонне. Тот оглянулся на ограду, дождался женщины и показал, где следует пригнуться, чтобы пройти открытый участок.

Мальчик тащил узел обеими руками. Лобановский боец помог поднять его и пошёл впереди. Женщина всё время оглядывалась. Иван видел их, пока танк не повернул за ограду.

Уже на привале Рябинин осмотрел механизм переключения передач, а Фадеев начал готовить инструмент. Выяснилось, что повреждение возникло до этого боя: изношенный узел отказал в самый неподходящий момент.

Карпов спросил Ивана:

— Ты сад раньше видел?

— Пока подходили. Пехота там шла ниже дороги.

— В следующий раз говори раньше, если заметишь. Только говори, что видел. Не что предполагаешь.

Лобанов подошёл позже. У его солдат было двое раненых; один остался в деревне. Он не благодарил торжественно, просто сказал:

— Место выдержали. Мы вышли.

Лобанов задержался возле машины, дождался, пока Карпов закончит с Фадеевым, и показал им новый путь своей роты. Иван ещё раз посмотрел на танковые следы у сада. В этот раз люди вышли рядом с ними.

* * *

На броне их танка появился номер 24. Его вывел мелом Степан, потом обвёл остатками краски. Фадеев потребовал не лезть на смотровой прибор, и цифра вышла неровной.

У Бурова теперь было пять машин. Четыре Т-26 и один БТ-7, который держался особняком: водитель постоянно напоминал, что его танк не обязан ползти со скоростью остальных. Командир БТ, лейтенант Журавлёв, пресекал эти разговоры.

— На одной дороге стоим. Значит, одной скоростью пойдём.

Рябинин собрал экипажи и спрашивал по каждой машине, что сделано и что остаётся. Ответы получались разными: «вроде держит», «пока ходит», «до вечера должно». Иван достал тетрадь.

— Можно записать признаки, при которых останавливаться? И что с собой есть.

Буров позволил. Фадеев требовал записывать конкретный стук и место, где он слышен. Рябинин называл детали, которые действительно подходили. Иван свёл сведения на одной странице; к вечеру Нестеров сам пришёл посмотреть, что там отмечено про его танк.

Снаряды пересчитали по виду. Запас был неполон; бронебойные берегли. Бензин выдавали из уцелевших бочек. Рябинин снова заставлял фильтровать его, хотя водители торопились. Никто не хотел повторять историю у сарая.

Буров развернул рядом с ведомостью другой лист. На нём были две пустые строки для танков и ещё несколько — для людей. Иван подумал, что капитан считает потери, но верхние строки занимали новые фамилии.

— Это пополнение? — спросил он.

— Пока просьба о пополнении. Я хочу, чтобы нас перестали передавать по кускам. Сегодня танк сюда, завтра туда, а чинить и заправлять всё равно некому.

Капитан провёл пальцем вдоль пустых строк.

— Собрать бы роту. Свою пехоту знать. Свой ремонт. Получили задачу — вышли, выполнили, вернулись тем же составом.

Фадеев покосился на лист.

— Тем же — это бы хорошо.

— Поэтому и собираю, — ответил Буров. — Каждый день кто-то уходит пешком. Люди остаются, машины нет. А у следующего начальника машина стоит без человека.

Он сложил лист вместе с донесением. Иван заметил, что капитан не выбросил старую ведомость, где были другие номера и другие фамилии. Буров поймал его взгляд и убрал бумаги в планшет.

— Сейчас пять машин. С них начнём.

После обеда Буров вернулся от майора Виктора Руднева. Сводную группу передавали тому вместе с пехотой и остатками артиллерии.

— Есть отрезанные у Горок, — объяснил капитан. — Нужно открыть им дорогу. Сведения пока такие: на высоте заслон. Пехота наша подойдёт с юга.

Карпов спросил про разведку. Буров ответил, что проверяют.

Ивана отправили с бойцами осмотреть первый участок пути. Они прошли его пешком и нашли разрушенную трубу под дорогой. Для человека путь оставался, для танка требовался объезд. На карте повреждения не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.